

М. В. БЕЛОВ

БАЛКАНСКАЯ ПАРАБОЛА: ПРОЕКТ
«АДРИАТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ»
В КОНТЕКСТЕ «НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН»
(1812)

9⁽²¹⁾ апреля 1812 г. Александр I подписал инструкцию назначенному тремя днями ранее новому главнокомандующему Молдавской армией П. В. Чичагову, где излагался проект «адриатической экспедиции». Задачи Чичагова состояли «в обращении к нашей стороне воинского духа славянских народов, как-то: сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, кроатов, иллирийцев, кои будучи вооружены и приведены по воинской части в устройство, сильно содействовать нам могут». Для возбуждения «воинского духа» славян предлагалось использовать «обещание независимости, установление славянского царства, награждение людей, имеющих между ними влияние, деньгами, знаками отличия, приличным проименованием начальников и войск и прочие подобные им побудительные средства, со нравами сих народов сообразные». В результате этих мероприятий планировалось «произвести сильную диверсию на правом крыле французских владений», а ее целью являлось «завоевание Боснии, Далмации и Кроацции и направление ополчения сего на важнейшие пункты, лежащие на берегу Адриатического моря, предпочтительно же на Триест, Фиум, Бокка ди Катаро и проч<ие>, дабы учредив по удобности из которого-либо пункта сношение с английским флотом, устремить старания наши к достижению Тироля

и Швейцарии, для действия в соединении с теми храбрыми и нынешним правлением недовольными народами»¹.

Проект «адриатической экспедиции» вписывался в еще более грандиозный замысел «последней» войны в Европе, которая «...будет войною за независимость всех народов»². В письме Барклаю-де-Толли Александр I пояснял, что эта война «избавит человечество от ига, под коим оно стонет, и освободит Европу от цепей»³. В рамках грандиозного плана предполагалась организация ряда крупных военных диверсий в Испании, Португалии, Неаполе, на Корфу, в Голландии и Дании. Инициатива в планировании операций исходила и от наследного принца Бернадота, союзный договор с которым был недавно подписан. Он мечтал о присоединении к Швеции Норвегии: после этого объединенный с русскими дивизиями корпус союзников планировалось высадить в Северной Германии⁴.

Смелые планы, строившиеся Александром I, его дипломатами и военачальниками незадолго до наполеоновского вторжения в Россию, ставили в затруднительную ситуацию по их оценке как дореволюционных, так и советских исто-

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел (ВПР). Сер. 1. Т. VI. М., 1962. № 145. С. 363–365. Документ датирован издателями по русскому варианту из фонда Чичаговых в Российской государственной библиотеке. См.: Там же. С. 745. Прим. 406. Инструкция ранее публиковалась в составе фрагмента из «Записок» Чичагова: Русский архив. 1870. № 8–9. С. 1527–1528. Ср. наброски инструкции, публиковавшиеся ранее: Горяинов С. 1812. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов. Ч. II. Подлинные документы. СПб., 1912. С. 31–32. Пугачев В. В. К вопросу о планах Александра I относительно славянского и немецкого национально-освободительного движения // Ученые записки Пермского ун-та. Т. VI. Вып. 4. С. 118–119.

² Эту мысль предполагалось внушить английской дипломатии. Цит. по: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. Нашествие Наполеона на Россию / Сост., предисл., подг. текста, ук. имен, подбор илл. С. А. Никитина. М., 2009. С. 159. Издание представляет собой попытку реконструкции на основе посмертных публикаций не вышедшего при жизни автора второго тома. Цит. фрагмент ранее: Русский архив. 1892. № 5. С. 5–34.

³ Цит. по: Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 89–90.

⁴ Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году // 1812 год. К столетию Отечественной войны: Сб. статей. М., 1962. С. 52–53. Попов А. Н. Указ. соч. С. 152–160. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. XI. СПб., 1895. С. 159. Александр I — П. К. Сухтелену, 12 апреля 1812 г. ВПР. Т. VI. № 150. С. 370–373. Н. П. Румянцев — П. К. Сухтелену, 12 апреля 1812 г.

риков. Дело в том, что эти проекты никак не вязались с известными позициями других основных игроков европейской сцены, которые нельзя было не учитывать. Важнейшую роль в организации десантов и морских каналов поставки оружия, боеприпасов, продовольствия и т. д. на берега Адриатики, Пиренейского полуострова и на Па-де-Кале должен был сыграть британский флот. Однако в это время Россия не имела официальных отношений с Англией, а переговоры с ее уполномоченным при посредничестве испанской и шведской дипломатий были начаты русским посланником в Стокгольме Сухтеленым лишь в конце марта 1812 г.⁵ Между Россией и Англией существовал круг серьезных разногласий, в том числе в бассейнах Черного и Средиземного морей, и надеяться на их быстрое урегулирование было бы опрометчиво. Берегам Англии не угрожал десант Наполеона, и ее участие в слабо проработанных, но грандиозных по замыслу военных операциях было мало мотивированным. Даже если пренебречь этими важными обстоятельствами, британский посланник попросту не имел возможности получить благословение своего кабинета и передать его Сухтелену, а тот Александру I и в МИД к тому времени, когда была составлена инструкция Чичагову.

Но это еще не все. С октября 1811 г. велись трудные переговоры о заключении мирного договора с Турцией. Речь уже не шла о присоединении к России Дунайских княжеств или хотя бы всей Молдавии. Порта отказывалась признать границу по реке Серет, а также протестовала против других русских предложений, в том числе против полной внутренней автономии Сербии, требуя ввода турецких гарнизонов в крепости на ее территории. 22 марта 1812 г. Александр I направил собственноручное секретное послание Кутузову: «...в самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, полагая Прут по впадению оною в Дунай границую. Но сие вверяю я личной ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи. На сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю Вам согласиться, как постановя союзный

⁵ Там же. № 138. С. 345–350. П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву, 29 марта 1812 г. Сборник Русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 435–446. П. К. Сухтелен — Александру I, 29 марта 1812 г. Лондон поручил Э. Торнтону уведомить русского коллегу, что английский посланник в Константинополе будет способствовать примирению России с Турцией, и узнать от него о предложениях Петербурга. Рогинский В. В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. С. 102–103.

трактат с Портою»⁶. Оборонительный, а еще лучше наступательный договор сделал бы Турцию участником «адриатической экспедиции». Когда Чичагов отправился в распоряжение Молдавской армии, чтобы сменить Кутузова на посту главнокомандующего, переговоры еще не были завершены, поэтому он имел на руках сразу два (разных по тональности) царских рескрипта о передаче полномочий, один из которых назначенец должен был вручить предшественнику в зависимости от его успехов⁷.

По-видимому, в Петербурге и Вильно, где находился Александр I, когда прорабатывался план «адриатической экспедиции», явно недооценивали трудности переговоров. Из-за упорства Порты ни о каком союзном договоре, заключенном в одном пакете с мирными соглашениями, не могло быть и речи. Правда, инструкция Чичагову предусматривала и негативный сценарий: «Если бы за всем сим мир с турками не состоялся, тогда стараться должно... греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем епирским»⁸. Иными словами, речь шла о возобновлении военных действий, т. е. о коренном пересмотре курса на замирение с Портой в условиях близящейся войны с Наполеоном.

Смущенный этой бурной внешнеполитической импровизацией А. Н. Попов был склонен связать ее авантюризм с эксцентричным характером главного вдохновителя проекта — Чичагова. Он был удивлен, что канцлер Румянцев оказался так же склонен к экзальтации, когда в начале июля 1812 г., то есть в условиях войны с Наполеоном, он поддержал выдвинутый Чичаговым план похода на Константинополь, с тем чтобы изгнать турок из Евро-

⁶ Кутузов М. И. Сб. документов / Под ред. Л. П. Бескровного. Т. III. М., 1952. С. 851–852. О ходе переговоров см.: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. I. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. М., 2008 (первое издание — 1877 г.). Гл. 4–5. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. III. М., 1887. Муньков Н. П. М. И. Кутузов — дипломат. М., 1962. Шапкина А. Н. Полководец М. И. Кутузов и Бухарестский мир // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченок, Г. А. Санина. М., 1992. С. 120–134. Балканские исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1997. С. 169–203. Грачев В. П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–17. Айрапетов О. Бухарестский мир 1812 года // Родина. 2012. № 2. С. 68–71.

⁷ ВПР. Т. VI. С. 745. Прим. 405.

⁸ Там же. С. 364.

пы. Однако характерный в изложении этого эпизода критический тон не помешал историку или его душеприказчикам озаглавить соответствующую главу готовящегося труда «Славянская заря в 1812 г.»⁹.

Еще более категорично как авантюру аттестовал проект «адриатической экспедиции» Н. И. Казаков, связывая его с карьеризмом Чичагова¹⁰. Вместе с тем он подчеркнул, что «под влиянием этой борьбы (с Наполеоном. — М. Б.) царское правительство нередко вынуждено было отказываться от осуществления своей старой консервативно-монархической программы решения восточного вопроса и провозглашать новые цели, соответствующие "духу времени"», а в исключительных случаях готово было и на риск развязывания масштабной национально-освободительной войны¹¹.

Такие оценки тесно связаны с общей характеристикой «наполеоновских войн», восходящей к высказыванию К. Маркса и Ф. Энгельса: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»¹². И здесь, безусловно, присутствует рациональное зерно. Однако уже понятия «дух», «возрождение», «реакционность», уместные в публицистическом дискурсе, требуют дополнительной научной рефлексии; само же соотношение этих полярностей не поддается процентному исчислению¹³. В этой связи необходимо высказать некоторые предварительные замечания

⁹ Русская старина. 1892. № 12. С. 617–642. 1893. № 1. С. 87–99. Перепечатано: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. С. 185–220. Переписка Чичагова с Александром I за 1812 г. опубликована: Сборник русского исторического общества. Т. VI. Спб, 1871. С. 1–66. Русская старина. 1901. № 1. С. 218–222. Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 151–169. № 3. С. 187–214.

¹⁰ Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 53–54. Этот автор менее категоричен в более поздней статье: Он же. Проект адриатической экспедиции П. В. Чичагова // Югословенские земли и Русия за време Првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983. С. 341–353. Ср.: Абалихин Б. С. Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоград, 1987. С. 18–21.

¹¹ Там же. С. 343. Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 52. Ср.: Пугачев В. В. Указ. соч.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 436. Та же характеристика обычно распространяется и на войны, которые велись наполеоновской Францией.

¹³ Белов М. В. О характере наполеоновских войн (историографические заметки) // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 2002. С. 155. Здесь и далее

о месте и значении «наполеоновских войн» в европейской истории. Будучи, пускай, малозначительным эпизодом эпохи, проект «адриатической экспедиции» не может быть правильно понят помимо ее специфики как целого. И, наоборот, этот маргинальный эпизод, возможно, обнажает какие-то ее сущностные черты.

«Наполеоновские войны» — кульминационная и финальная часть потрясающего 26-летнего периода Революции и войн (1789–1815). Они обозначили ломку Старого порядка в Европе в самом широком смысле слова: не только прежних государственных границ, традиционных монархических режимов, сословных перегородок, институтов собственности, правовых систем, прежнего порядка управления, ведения войны и дипломатии, но также — прежней системы ценностей, морали, жизненных планов и сценариев поведения на индивидуальном уровне¹⁴. В результате возникала сложная мешанина противоречий, обрывков старого и ростков нового, с присущими им внутренними конфликтами, изменчивых и инверсивных, что связано с переходом от одной общественной мегасистемы к другой на грани хаоса и порядка. Этот процесс описывается иногда (сторонниками «синергетики») как момент бифуркации, иногда (политологией Д. Розенау) как зона турбулентности — данный термин применяется для характеристики ближайшего будущего и уже сегодняшнего дня международных отношений. Однако оба эти определения, быть может, формулируют некую «философию» подхода к проблеме, но не делают предметную оценку «наполеоновских войн» или ее отдельных эпизодов делом более легким.

Двойственность действий противников Франции все более интересовала отечественных историков в позднесоветский период¹⁵. В программной статье 1979 г. академик А. Л. Нарочницкий указывал, что сопротивление завоевательной политике Франции

использован материал этой статьи. Ср.: Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012. С. 96–97.

¹⁴ Культурно-прагматические эффекты «наполеоновских войн» редко интересуют историков, но были замечены уже современниками. См., например: Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 73.

¹⁵ Ранее, применительно к России, например: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 253–263. Пресняков А. Е. Александр I [1925] // Он же. Российские самодержцы. М., 1990. Малосамостоятельное развитие суждений Преснякова в постсоветской литературе см.: Хорошлова Л. В. О влиянии либерально-просветительских идей на формирование внешнеполитического курса Александра I // Европейский либерализм в Новое время. Теория и практика. М., 1995. С. 145–154.

неизбежно сопровождалось частичной адаптацией (приспособлением) абсолютистских режимов, в том числе и в России к новым послереволюционным условиям существования¹⁶. В частности, русское правительство обращалось к национальным *чувствам* покоренных народов, которые должны восстать против завоевателя и угнетателя — Наполеона. Иными словами, легитимный монарх противопоставлял монарху-самозванцу чуть ли не принцип народного суверенитета, рожденный революцией во Франции¹⁷. Так или иначе, освободительные движения получили моральную, а в некоторых случаях — материальную и военную поддержку от участников коалиций, включая Россию.

По мнению Нарочницкого, для инициаторов антинаполеоновских коалиций «задача борьбы с революцией отодвинулась на второй план», но они выступали против распространения буржуазных порядков за пределы Франции, а главное — против завоевания этой страной европейского и мирового господства. Нарочницкий отдает дань теории прогресса, утверждая, что «в ходе наполеоновских войн их частично прогрессивные последствия постепенно ослабевали и отодвигались на задний план по сравнению с гнетом, который они несли народам Европы». То есть действия коалиций были более *оправданны*, нежели действия Наполеона. Элемент морализаторства в подобной трактовке неизбежен. Наличествует у Нарочницкого и тенденция во-

¹⁶ Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой: сопротивление и приспособление // Вопросы истории. 1979, № 4. С. 65–81. Перепечатано и далее цит. по: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. Сб. статей / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М., 1986. С. 88–113. В. Г. Сироткин вслед за Нарочницким отнес начало такой адаптации еще к екатерининским временам: Сироткин В. Г. Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке Екатерины Великой) // Великая французская революция и Россия / Редколл. А. Л. Нарочницкий и др. / Под ред. А. В. Адо и В. Г. Сироткина. М., 1989. С. 274–278. Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 27–28 и др.

¹⁷ Например, в период подготовки к мирным переговорам с Портой в конце 1808 — начале 1809 г. русская дипломатия по существу признала суверенитет повстанческой Сербии *de facto*. Однако практическая реализация принципа национального самоопределения вызвала серьезные затруднения на системном уровне и вылилась в конфликт с руководством повстанцев, поскольку его доктрина воссоздания границ средневекового Сербского царства не совпадала с планами Петербурга. См.: Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: специфика формирования и механизмы развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 291–327.

люнтаристского объяснения войн начала XIX века, быть может, усиленная жанровыми особенностями учебной литературы: «Его (Наполеона. — М. Б.) огромный военный и административный талант сочетался с безграничным честолюбием, властолюбием, жаждой завоеваний, беспощадной жестокостью и полнейшим презрением к народным массам, республиканскому строю и демократическим свободам (разве не применимы те же качества, хотя бы частично, к организаторам коалиций? — М. Б.). Опираясь на армию, Наполеон нуждался в постоянном укреплении своей власти новыми победами и завоеваниями»¹⁸.

Такую центрацию, вероятно, следует рассматривать как удаленное, но явственное эхо «наполеоновской легенды». Ее оборотная сторона — в любом случае неадекватное масштабу событий низведение целой эпохи к эксцессу и эксцентрике исключительной личности. Более адекватным прочтением видится трактовка наполеоновской экспансии как послереволюционной мутации универсальных и планетарных проектов Просвещения, а также как следствия порожденных им же и конфликтующих между собой разнообразных практик индивидуализма и национализма. В условиях «романтической реакции» они порой принимали крайние формы. Следуя марксистской традиции и миросистемному подходу, можно указать на утвердившийся в европейском ареале принцип самовозрастания капитала. А признавая значимость рецептивно-сравнительной империологии, можно вести речь о попытке французского имперского строительства, асимметричной британскому опыту¹⁹.

Исследование механизмов адаптации царизма к послереволюционным условиям в трудах советских историков сдерживалось характеристикой господствующего строя России как «феодально-крепостнического»²⁰. Но в случае с перестройкой внешней

¹⁸ Новая история. 1640–1870 / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1986. С. 175–177. Возложение моральной ответственности на Наполеона или даже сведение причин войн к его непомерным амбициям — характерная черта многих, даже лучших работ: Исдейл Ч. Д. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 63–65. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Гл. 2.

¹⁹ Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 34–35.

²⁰ Учитывая дискуссии о феодализме в мировой историографии последних десятилетий, применение первой части определения к России начала XIX века, на мой взгляд, утрачивает смысл. Однако крепостное право действительно являлось, как известно, главным препятствием либеральных реформ внутри страны и сдерживающим фактором в проведении внешней политики на со-

политики, нацеленной на использование потенциала освободительных движений народов Европы, переход от деклараций к реализации новых принципов затруднялся скорее соперничеством великих держав, то есть самой системой международных отношений²¹, пуская поколебленной Революцией и войнами. В частности, эмансипация балканских славян не представляла непосредственной угрозы классовым интересам русских помещиков, но была неприемлема для Турции и Австрии, а несколько по другим причинам — для Англии или Франции. Поэтому поощрение национальных движений использовалось и как фактор давления на соперников.

Среди позднесоветских, а затем и постсоветских историков обнаружили расхождения в оценке уровня агрессивности и масштабов экспансионизма Российской империи. Преобладала заданная ранее, еще в сталинские времена, стратегия оправдания этой экспансии, как в основном ответной и/или объективно-прогрессивной. Эта линия была продиктована идеологией национал-большевизма²², в русле которой СССР отчасти признавался наследником Великой России. Позднее такая тенденция усилилась как отпор антисоветской пропаганде, построенной на русофобии и находящей те же, но негативные параллели.

В опубликованной накануне войны (а именно: после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии) рецензии на памфлет Энгельса о русской дипломатии Сталин писал: «...завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги»²³.

пределных территориях. Ср.: Безоголосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Гл. 1.

²¹ Нарочницкий А. Л. О некоторых методологических аспектах публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. С. 120.

²² Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009.

²³ Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3. Рецензия была подготовлена еще в 1934 г.

При всей справедливости или даже банальности этого замечания, по понятным причинам маятник качнулся в противоположную сторону. Зато в послесталинский период советским историкам было труднее совмещать осторожные оправдания внешней политики царизма с обязательными цитатами Маркса и Энгельса²⁴.

Вопреки доминирующему в советской историографии подходу, отдельные отечественные авторы, тем не менее, не признали серьезной адаптации коалиционных режимов, включая Россию, к новым послереволюционным условиям и настаивали на гегемонистской агрессивности ее политики. Более того, они следовали не только букве, но и духу высказываний на этот счет Маркса и Энгельса, Ленина, но не Сталина²⁵. В свою очередь В. М. Безотосный, критикуя позицию Н. А. Троицкого, высказал излишне сильный тезис о достижении Россией «территориальной достаточности» к началу XIX века и, следовательно, обнулil уровень агрессивности в ее коалиционных комбинациях²⁶. При этом он признал имперские интересы России в ряде регионов Европы, в частности на Балканах. Необходимо, по-видимому, учитывать, что политика экспансии не обязательно связана с прямыми территориальными захватами, но может облекаться в форму покровительства и протектората, что, например, характерно для «балканских планов» А. Чарторыйского в дотильзитский период²⁷.

в связи с предложением опубликовать текст Энгельса в журнале «Большевик» к юбилею начала Первой мировой войны. Сталин возражал, поскольку не хотел, чтобы он воспринимался как руководящее указание.

- ²⁴ Эта линия особенно ярко проявилась в усилиях академика А. Л. Нарочницкого, координатора многих научных проектов, а ранее — пропагандиста сталинской школы. Нарочницкий А. Л. Значение письма И. В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»» для советской исторической науки. М., 1950. О расхождениях между оценками классиков марксизма и выводами советских историков см.: Достян И. С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса? // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 3–16.
- ²⁵ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 14–34. Он же. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук (Саратов). 2004. № 12. С. 72–83. Абаляхин Б. О вреде чтения школьных и институтских учебников // Родина. 1992. № 6–7. С. 180.
- ²⁶ Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 113–115. Думается, имперская логика внешней политики не всегда целиком совпадает с рациональным выбором и принципом разумной достаточности.
- ²⁷ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 335–358, 411–420. Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972. С. 42–62. Эти планы оставались лишь

В свою очередь аннексионные амбиции (в отношении Дунайских княжеств и Финляндии), выявившиеся после Тильзита, подчинились отчасти целям репутационной компенсации и увязывались с конституционными экспериментами в имперском управлении²⁸.

Таким образом, не претендуя на окончательные ответы в прояснении замысла «адриатической экспедиции», можно, тем не менее, несколько иначе расставить акценты. Было бы наивным полагать, что в начале XIX века существовала целостная, до конца продуманная и последовательная внешнеполитическая концепция вроде тех, какие принимаются ныне, в том числе и в России. Скорее, можно говорить о сосуществовании нескольких вариантов действий (от коренного переустройства Европы до изоляционизма в пределах обособленной «сферы интересов»), которые избирались реактивно, под действием многих обстоятельств²⁹. Сама динамика международной жизни исключала иную тактику, и даже главный возмутитель спокойствия — Наполеон «никогда не останавливался на одном варианте (предусматривал многовариантность), и часто кардинально менял свои решения и поступал в зависимости от ситуации»³⁰.

Хотя зависимость от обстоятельств еще более обуславливала действия контрагентов Франции, грандиозные планы переустройства европейского порядка или, точнее, наведения порядка были характерны уже для первых внешнеполитических инициатив Александра I. Отказ от вооруженной борьбы в 1801–1803 гг. сочетался со стремлением сыграть роль динамичного посредника и умиротворителя Европы на принципах «баланса сил»³¹. Как из-

одним из вариантов действий и в практическом плане имели серьезные ограничения, однако они не утратили смысла и после отставки Чарторыйского: Сироткин В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. XXV. М., 1962. С. 171–192.

²⁸ Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории Восточного вопроса (О целях России и Франции на Балканах в 1807–1808 гг.) // Новая и новейшая история. 1969. № 6. С. 52–66. Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны... С. 105.

²⁹ По мнению Д. Ливена, «Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне». Ливен Д. Указ. соч. С. 36. Ср.: Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 18–19.

³⁰ Там же. С. 175.

³¹ История внешней политики России: Первая половина XIX в. М., 1995. С. 27–38. Балканские исследования. Вып. 18. С. 77–97.

вестно, эти инициативы по тем или иным причинам не увенчались успехом. В период подготовки третьей коалиции идеи мирного переустройства Европы, основывающиеся на «священных правах человечества», «разумной свободе» и «правах национальностей» обрели силу внешнеполитической «философии». Они легли в основу секретной инструкции Александра I Н. И. Новосильцеву, отправившемуся в Англию для ведения переговоров 11 (23) сентября 1804 г.³² Сам царь выступил разработчиком концептуальных основ примирения с наследием Революции.

Контуры «адриатической экспедиции» обнаруживаются в военном планировании конца 1806 — начала 1807 г., когда, по мнению В. П. Грачева, речь шла опять же о создании «нового порядка», как минимум, в Средиземноморском бассейне и на Балканах³³. Тогдашней целью являлось противодействие наполеоновской экспансии и принуждение к миру Порты, а также переустройство ее европейских владений, включая повстанческую Сербию, на началах национальной автономии. Для этого при участии сербских повстанцев планировалось создать сплошной фронт от Черного до Адриатического моря. На сходство этих планов с проектом «адриатической экспедиции» обращалось внимание ранее. В обоих случаях особая роль отводилась соучастию английского флота. В. Г. Сироткин указал, что Чичагов, будучи морским министром, был вовлечен в планирование военных действий в 1806 г. и мог использовать этот опыт в проекте «адриатической экспедиции» 1812 г.³⁴ В поздних публикациях Сироткин еще более расширил масштаб аналогии: «Несомненно, Бонапарт и в 1806–1807 гг. репетировал «мини-кампанию» будущего 1812 г., однако «мини-крестового похода» против России (Турция, Персия и даже Китай) не получилось». В свою очередь, амбиции Александра I, стремившегося руководить и армией, и дипломатией,

³² ВПР. Т. II. М., 1964. № 50. С. 138–151. Прим. 79. С. 664–665. Первая публ.: Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром. Т. 2. М., 1913. С. 27–44. О значении этого документа: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 196–201. Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны... С. 95–97. В целом об отношении к Франции в 1801–1805 гг.: Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. Гл. 1.

³³ Грачев В. П. План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. СПб., 2005. С. 57–64.

³⁴ Сироткин В. Г. Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (от Парижского мира 1801 г. до Эрфуртской конвенции 1808 г.) // Югословенске земље и Русија... С. 115.

в то время не уступали наполеоновским. И уже тогда были апробированы многие инструменты, более известные по событиям Отечественной войны: «...создание первого в истории войн с Наполеоном ополчения — милиции, использование православного Синода как инструмента пропагандистской войны, образование пропагандистского «штаба» в Петербурге и начало «войны перьев» Александра I и Наполеона и т. д.»³⁵.

Множественность источников проекта «адриатической экспедиции» также отмечалась в исследовательской литературе. Указывалось в частности на многочисленные проекты создания славяно-балканских государств на принципах автономии и вассалитета, поступавших в Петербург с конца XVIII века, а особенно интенсивно с начала Первого сербского восстания от духовных иерархов и патриотов с авантюрной жилкой³⁶. Н. И. Казаков и др. авторы ссылались на записки И. Каподистрии³⁷ и проекты французских эмигрантов. Роль Каподистрии действительно

³⁵ Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 59, 63, 65, 93.

³⁶ Чтения Общества истории и древностей Российских. М., 1868. Кн. 1. С. 238–256. Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII в. М., 1984. Док. № 305, 306. С. 399–407. Достян И. С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Россия и славяне. М., 1972. С. 98–107. Грачев В. П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 4–40. Белов М. В. У истоков... С. 153–187. Руварац Д. Митрополит Стеван Стратимировић и Јован Јовановић бачки дладика први весници српске слободe // Архив за историју српске православне карловачке митрополије. Год. IV. Сремски Карловци, 1914. Св. 1. С. 90–95. Димитријевић Ст. М. Стевана Стратимировића митрополита карловачког план за ослобођење српског народа. Београд, 1926. Milutinović K. Prvi ideolozi federalističke misli kod južnih slavena // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti. Kn. 330. Zagreb, 1962. S. 88–91. Гавриловић С. План Софронија Југовића о српско-руској сарадњи 1804 // Он же. Личности и догађаји из доба Првог српског устанка. Нови Сад, 1996. С. 73–81 и др.

³⁷ Записка гр. И. Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник Русского исторического общества. Т. 3. С. 170–171. Арш Г. Л. «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811 г.) И. Каподистрии // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1972. С. 359–386. Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976. С. 22–23. Кущко А., Таки В. Конструировање Бессарабије: имперске и националне модели построения провинции // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. статей / М. Аугст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 214–216.

важна, поскольку именно он возглавил дипломатическую канцелярию Чичагова.

Следует, однако, подчеркнуть, что инициатива превращения повстанческой Сербии в соединительное звено широкого фронта освободительной войны исходила от самих балканских славян, причем не только от внешних наблюдателей, но лиц, непосредственно вовлеченных в вооруженный конфликт. Эта идея была прямо высказана уже в августе 1804 г. в обращении предводителей движения в Белградском пашалыке «всей братии герцеговинцам» и черногорцам³⁸. Другой вопрос, насколько обоснованными были эти смелые идеи.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки осуществить план военной интеграции балканских славян. Достаточно вспомнить широкомасштабное, но неудачное наступление сербских повстанцев в 1809 г., целью которого являлось соединение с черногорцами, герцеговинцами, вовлечение в антитурецкие действия населенных сербами южных и восточных районов. Пускай в более скромном масштабе, курс на закрепление и возможное расширение очага освободительной борьбы реализовался в военных действиях 1810–1811 гг. при участии русских подразделений. Удивительно именно то, что, имея возможность оценить опыт сотрудничества с сербскими повстанцами и предел их военного потенциала³⁹, авторы проекта «адриатической экспедиции» сделали ставку на них как на силу, способную детонировать наступательную волну. Трудно было не догадываться, учитывая хотя бы только недавнюю историю, что этого ни за что не допустят турки. Тем не менее, по предположению В. П. Грачева, сербские повстанцы могли быть посвящены в проект «адриатической экспедиции» (и дать какие-то технические пояснения на сей счет), поскольку его разработка совпала по времени с пребыванием в Петербурге их депутатов весной 1812 г.⁴⁰

³⁸ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. № 16. С. 42–44.

³⁹ См., например, негативный по оценке способностей повстанческой армии отчет ротмистра Эринга Е. Г. Цукато от 18 августа 1810 г.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14 209. Оп. 170. Св. 24. Д. 670. Л. 53–54. Белов М. В. На пути к сербской нации: взгляд снизу (1804–1835 гг.) // Человек на Балканах: Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). Сб. статей. СПб., 2007. С. 205.

⁴⁰ Это предположение высказано в не опубликованной при жизни автора более полной версии статьи о сербском вопросе на русско-турецких переговорах 1811–1812 гг. Пользуясь случаем, благодарю семью В. П. Грачева за возможность познакомиться с материалами из его архива.

Любопытным, но малоизвестным эпизодом, предшествовавшим проекту, является миссия барона Дибича, который прибыл в повстанческую столицу 29 мая 1811 г.⁴¹ (Не вполне ясно, идет ли речь в указанном архивном деле о И. И. Дибиче, будущем фельдмаршале, или о его старшем брате, партизане 1806–1807 и 1812–1813 гг. В. И. Дибиче. По ряду примет — скорее о последнем⁴².) Подполковник 27-го егерского полка должен был в Белграде снять план крепости, а затем в сопровождении 50 казаков с сербским конвоем отправиться на Дрину, чтобы осмотреть укрепления и редуты на боснийской границе и дать рекомендации местным воеводам по их исправлению. Следуя через Делиград, Баню и Гургусовцы (юго-восточная окраина повстанческой Сербии) с теми же целями, ему предписывалось возвратиться в расположение русского отряда под предводительством О. К. Орурка, который в то время находился в Неготине⁴³.

Эти предписания Дибич не выполнил. Русского барона с именем, допускавшим, что его дальние предки были сербами, ожидал в Белграде радушный прием⁴⁴. Он воодушевил верховного вождя и прочих старейшин планами организации «стратегического партизанского корпуса» на базе двух батальонов русской пехоты, гусаров, драгун, казаков и артиллерии, чтобы «Боснию и Албанию

41 РГВИА. Ф. 14 209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 6–7 об. Ф. И. Недоба — А. Л. Воинову, 1 июня 1811 г. В тот же день он встретился с предводителем повстанцев Карагеоргием.

42 См. о нем: Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2005. С. 159–185. Он же. Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2008. С. 216–251.

43 РГВИА. Ф. 14 209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 4–5 об. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 3 июня 1811 г. Там же. Л. 8–9 об. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

44 «Всего неприятнее, — жаловался русский диппредставитель в Белграде, — что [Дибич] разглашал соединение с черногорцами, ибо, сколько мне помнится, мы дали письменно французам [обязательство], что отступаемся от всякого с тем народом сношения. 2-го сего месяца представил перевод оных [планов] Совету, куда ездил в сопровождении 25 казаков и арнаутов и офицеров оных, говорил длинную речь и рекомендовал себя». Там же. Оп. 3/163. Св. 24. Д. 12. Л. 51–53 об. Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 17 июня 1811 г. В оперативной записке Дибич, выходец из Саксонии, просил о снисхождении, поскольку действовал «на пользу добровольно избранного отечества». Там же. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 2–2 об.

присоединить к нашим интересам, между тем как сербские войска будут действовать на Ниссу и Софию». Однако, по версии Дибича, представленный им план был одобрен военным министром еще в январе 1811 г., и именно это стало причиной перевода барона из квартирмейстерской части в егеря, более того, об этом плане якобы были извещены и Засс, и Оуррк, как лица ответственные за сотрудничество с сербами⁴⁵. На самом деле, план соответствовал надеждам повстанческих вождей, но расходился с позицией командования Молдавской армии. За превышение полномочий Дибич был срочно удален из Сербии⁴⁶.

Инициативы Дибича, показавшиеся неуместными Кутузову в начале лета 1811 г., оказались востребованными уже следующей весной, когда обсуждался проект «адриатической экспедиции». Можно предположить, что Барклай-де-Толли, с которым Дибич вел беседы о возможностях партизанской войны в Турецкой империи, дал ему поручение изучить на месте возможности реализации составленного плана, а тот слишком увлекся этой идеей. Хотя по распоряжению Кутузова 21 июля 1811 г. барон был выслан в Могилев под надзор полиции⁴⁷, влиятельные покровители (в лице того же военного министра, с которым породнился И. И. Дибич), по-видимому, не увидели в его действиях особенно серьезного нарушения служебной дисциплины. Впрочем, если мы имеем дело с «первым из немцев партизан», в оценке А. П. Ермолова, В. И. Дибичем, то он так и не поднялся в чине выше подполковника.

Одним из идеологов, а затем и проводников проекта «адриатической экспедиции» был отставной майор Александр Полев. Оставив военную карьеру при Павле I, он осел в малороссийском захолустье, посвящая свои досуги литературной и ученой графомании, а после Тильзита отправился покорять столицы. Как свидетельствует сам автор, в 1806–1811 гг. он отослал 17 своих

⁴⁵ Там же. Л. 8–11. Выписка из рапорта Дибича А. Л. Воинову. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

⁴⁶ Засс мотивировал отзыв Дибича тем, что «он принял на себя делать операционные планы, каким образом вести войну сербам, предполагает формировать войски и множество затеял таких дел, которые ему вовсе не были поручены, что его совершенно отвлекло от цели порученности, ему данной». Там же. Л. 8–9 об.

⁴⁷ Там же. Л. 19–22. Дибич прибыл в Сербию с женой, а когда был отозван, оставил ее в Белграде, надеясь скоро вернуться назад. В конце августа 1811 г. он дождался ее в Могилеве, хотя ему давно было предписано следовать в Петербург. Кроме того, Дибич требовал прогонных, и могилевский генерал-губернатор Тучков 1-й просил совета Кутузова, не зная, что ему делать.

сочинений Александру I и его сановникам⁴⁸. Хотя литературный статус Полева был маргинален, его можно однозначно причислить к сторонникам так называемых «архаистов», или «славянофилов», лидером которых являлся адмирал А. С. Шишков, карьерный антагонист Чичагова⁴⁹.

Портрет Полева сохранился в записках Д. И. Свербева: «Я помню эту какую-то загадочную фигуру, тощую, желто-белую, его судорожные телодвижения, его выношенные одеяния, то военный потертый сюртук, то белый, испачканный кавалеристский мундир. Речь его поражала меня, мальчика, столько же, как и его славянизм, разгоревшийся до угара, но еще не достигший тогда прозвания славянофильства. Проекты его писаны были самым высоким слогом, испещрены текстами библейских и апокалипсических пророчеств и звучали, как позлащенная в горниле медь, церковными выражениями. Помню, что на каждой странице были какие-то точки и ряд восклицательных знаков. Бедный мечтатель, а чего доброго может и преждевременный глубокий политик, Полев постоянно жаловался, что на его великие замыслы никто не обращает внимания, что влиятельные лица того времени как в Петербурге, так и в Москве после первого свидания преграждали ему свободный к себе доступ и, казалось ему, да чуть ли и не справедливо, считали его помешанным»⁵⁰.

Прожектер мечтал о «Великом союзе племен славянских» от Урала до Карпат и от Балтики до Адриатики. Его частью должно было стать южнославянское государство во главе с Карагеоргием. В этом отношении он выступал наследником В. Н. Каразина и авторов проектов, вызревавших в российском МИДе⁵¹.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16 (1). Д. 431. Ч. 1. Л. 12. Помимо царя, Полев адресовал свои рукописи и записки министрам полиции и сухопутных сил, а также главному квартирмейстеру (начальнику генерального штаба) П. М. Волконскому. На протяжении указанных лет его писательская активность все более нарастала.

⁴⁹ В своих сочинениях Полев обрушивается на русских франкофилов, порицает засилье иностранцев, начавшееся с петровских времен, увлечение дворянской элиты всем чужеземным, в частности французским языком «с пренебрежением языка отечественного» и ссылается на подвиги славянских богатырей. Там же. Д. 431. Ч. 7 и др.

⁵⁰ Свербеев Д. И. Записки. Т. 1. С. 458. Любопытны колебания автора воспоминаний в оценке Полева: от «глубокого политика» до «помешанного».

⁵¹ Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. С. 146–148. Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М. 1980.

В свою очередь параноидальная «философия истории» Полева развивала тезисы антинаполеоновской пропаганды рубежа 1806–1807 гг. и карикатурно обнажала воззрения какой-то части ранних русских консерваторов. «Автор с исступлением доказывает, — пишет исследовательница его бумаг, — что все революционные и военные события, происшедшие в течение последнего времени, являются следствием грандиозного заговора то ли тайных религиозных сект, то ли масонских лож и иллюминатов. Эти «братья всемирного царства» и их адепты проникли во все европейские правительства, в том числе и русское. Они стараются «расслабить дух русских», довести Россию до революции, уничтожить ее дворянство и установить власть «всемирного властителя», «богачеловека», т. е. Наполеона»⁵². Последний представлялся прямым продолжателем дела Марата, Робеспьера и Директории, а также предшественников революционеров — зловредных просветителей, мечтавших о разрушении границ и об универсальных законах, написанных ими самими.

Полев утверждал, быть может бессознательно следуя за просветителями, что с помощью мнений «люди содержатся в обществе и управляются более, нежели властью и законом»⁵³. Для спасения России необходимо «совокупить мнения [общества]... с мнениями всего народа», держаться «веры поселян» и искоренять все чужеземное, изображая наполеоновскую Францию враждебной самому институту семьи. Переход к народной монархии, и это один из вариантов адаптации к новым условиям, по мнению Полева, требовал отказа помещиков от части своих «выгод», запрета торговли крепостными, сокращения податей, создания дворянского и народного ополчения. В противном случае автор предрекал России внутреннее возмущение, возбужденное неприятелем во время войны⁵⁴.

Но главное оружие России — ее «естественное преимущество перед всеми государствами» — способность возглавить славянские

⁵² Там же. С. 82. Подобные взгляды являлись одной из модификаций распространеннейшей после Революции во Франции по всей Европе «теории заговора». См.: Смит Д. У истоков русской масонофобии // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадов. М., 2005. С. 80–101. Чудинов А. В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 139–176. Рогалла фон Биберштейн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб., 2010.

⁵³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16 (1). Д. 431. Ч. 7. Л. 5–5 об.

⁵⁴ Там же. Л. 10–12. Ч. 6. Л. 3 об. — 4 об. (эта часть записки от 9 марта 1811 г. П. М. Волконскому называется «внутренняя оборона»).

племена. Уже в записке Полева от 14 сентября 1810 г. на имя царя угадываются черты «адриатической экспедиции»: необходимо заключить оборонительный и наступательный союз с Турцией, Англией и Испанией, туркам посулить Северную Адриатику, кроме Дубровника и Котора, которые желательно передать Ионической республике. Сербы получают Никополь и учредят королевство, что возбудит другие славянские народы, а также венгров — это ослабит Австрию. Царь должен принять титул польского короля, вслед за этим восстанут итальянцы, тирольцы и т. д. В будущем Полев предрекал уход турок из Европы, овладение Константинополем, учреждение Греческой республики и создание Армянского царства, обуздание персов и привлечение в Россию всей левантийской торговли⁵⁵. В записке от 25 ноября 1810 г., направленной Барклаюде-Толли, почти нет следов «теории заговора», но подчеркнута необходимость использовать в борьбе с Наполеоном освободительные потенции народов Европы⁵⁶.

Вероятно, эти-то идеи накануне ожидаемый франко-русской войны, наконец, обеспечили Полеву доступ в «высшие сферы». Через посредство П. М. Волконского он был привлечен к разработке проекта «адриатической экспедиции» и даже получил аудиенцию у царя. Свои детализированные рекомендации по организации диверсии он отправил Чичагову за два дня до того, как была подписана инструкция царя новому главнокомандующему Молдавской армией⁵⁷. В середине июня 1812 г. уже в чине подполковника свиты Полев прибыл в Белград, чтобы координировать боевое сотрудничество с сербскими повстанцами⁵⁸.

⁵⁵ Там же. Ч. 7. Л. 14–18 об. Согласно упоминавшейся выше записке Волконскому от 9 марта 1811 г., Карагеоргий во главе стотысячного войска окрестных славян должен возглавить поход против наполеоновской империи (Там же. Ч. 6. Л. 11). В примечании Полев указывал на «тотальный» характер войны с Наполеоном: «Однако же, когда неприятель все употребил, чем только можно преодолеть нас, войну и мир, пушки и книги, солдат и профессоров, учителей и наставников, купцов, слуг и скоморохов, мужчин и женщин, то и нам все средства до единого должно употребить к обороне своей» (Там же. Л. 18 об.).

⁵⁶ Там же. Ч. 2.

⁵⁷ ВПР. Т. VI. № 144. С. 360–362. Здесь говорится об объединении «народа от Савы до берегов Адриатики» под началом «венценосца», но претендент на эту роль не называется.

⁵⁸ Чичагов подписал инструкцию Полеву 3 (15) июня 1812 г. Его обязанности сводились в ней к информационному обеспечению проекта. Там же. № 172. С. 431–432. В резиденцию Карагеоргия Тополу Полев прибыл 13 июня. По его сообщению, сербское руководство было извещено о планах диверсии через архимандрита Мелентия, с которым Полев встречался в Петербурге в 1811 г. Там же.

С началом реализации проекта выявились все его недостатки. Разочарование Чичагова нарастало, и именно это подталкивало его к составлению все более вычурных комбинаций, вроде упоминавшегося выше похода на Константинополь. Его планировалось совместить с диверсией в Далмации и восстанием австрийских славян (при лояльности венгров), тогда как царь уже получил заверения Франца I о фиктивности его участия в походе Великой армии. Кстати, возможно, именно проект «адриатической экспедиции» заставил Австрию проявить осторожность⁵⁹. В конечном счете, нарастающая неадекватность предложений Чичагова поставила крест на первоначальном замысле. По шизофренической логике своими новыми проектами он как будто стремился продемонстрировать всю абсурдность ситуации, в которую попал. 18 июля 1812 г. Александр I предписал Чичагову двигаться к Днестру, чтобы при содействии армии А. П. Тормасова и корпуса Э. О. Ришелье нанести фланговый удар по Герцогству Варшавскому⁶⁰.

Итак, утопизм и авантюризм проекта «адриатической экспедиции» не был следствием личных качеств Чичагова или кого-то еще из лиц, причастных к его разработке. Эти черты были частью политической культуры постпросветительской (послеревolutionционной) эпохи и внешнеполитической практики «наполеоновских войн». В действиях Наполеона реализовывались самые фантастические проекты, что вдохновляло на похожие акции его противников. Иными словами, авантюризм был частью процесса приспособления к новым условиям. В момент наибольшей неопределенности и схождения разных сценариев военных действий — весной и летом 1812 г. — балканская политика России обрела параболический вид.

Невозможно выделить один, *самый главный* источник замысла диверсии в Далмации, поскольку он был производным от многих интеллектуальных посылов, которые исходили из разных, порой мало совместных, сред и уровней творческой активности. Отведение повстанческой Сербии места операционной базы «адриатической экспедиции» диктовалось, пускай неоднозначной, практикой вооруженной борьбы 1804–1811 г. и отвечало желаниям самих повстанцев.

№ 185. С. 456–459. А. Полев — П. В. Чичагову, 24 июня 1812 г. О поездке Мелентия в Россию см.: Грачев В. П. Православная церковь и Первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 170–171.

⁵⁹ Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 53–54.

⁶⁰ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. С. 207.